

Три часа сорок пять минут утра. Ночь густая, словно неразбавленная тушь.

— Клан! Клан! Клан!

Грохот утреннего колокола, словно призыв самой смерти, пронзил тонкую бумагу окон учебного корпуса Чжу и ударил прямо в барабанные перепонки Линь Яня. Он вздрогнул, точно кот, которому наступили на хвост, издал мучительный, раздраженный стон и зарылся головой еще глубже в пушистое мягкое одеяло. Работая руками и ногами, он плотно обмотался постельным бельем, свернулся клубком и укатился в самый дальний угол кровати, прижавшись к ледяной стене в тщетной попытке физически отгородиться от этого невыносимого звона.

Мир стал тише... как бы не так!

За дверью раздался ровный, лишенный всяких эмоций голос управляющего Чэня. Каждое слово, проникавшее сквозь дверное полотно, казалось ледяной иглой:

— Половина шестого. Зал Минлунь.

Кокон под одеялом слегка зашевелился, издав еще более громкое, гнусавое мычание, выражающее безмолвный протест и твердое намерение остаться в постели.

Кровать напротив уже пустовала. Казалось, Се Сяо всегда мог бесшумно подняться в тот самый миг, когда колокол ударял в первый раз. Его тонкое одеяло было сложено с остротой лезвия, а постель оставалась идеально гладкой, без единой складки.

Зажглась масляная лампа, и тусклый желтый свет разогнал кусочек тьмы. Се Сяо уже облачился в свой выстиранный добела индиговый халат и тщательно поправил пояс. Он подошел к кровати Линь Яня, глядя на этот плотно укутанный «кокон», из которого торчали лишь непослушные клочья черных волос, и едва заметно нахмурился.

Секунды тянулись одна за другой. Под одеялом — ни звука.

Се Сяо постоял в молчании. Правила Зала Минлунь не терпели пренебрежения. Он протянул руку, и его пальцы с отчетливо выступающими суставами ухватились за край одеяла, пытаясь с усилием откинуть его.

Стоило лишь слегка приоткрыть край, как навстречу ударило тепло, пропитанное едва уловимым ароматом юности.

В следующую секунду!

Голая, теплая рука молниеносно выметнулась из-под одеяла. С той хаотичной силой, что

бывает лишь во сне, она намертво вцепилась в предплечье Се Сяо, которое тот приготовил для рывка!

— М-м... — сонно и невнятно донеслось из-под одеяла. Голос Линь Яня был полон дремоты и капризного недовольства. Его щека бессознательно прижалась к внешней стороне руки Се Сяо, он даже потерялся о нее, словно котенок, нашедший грелку. — Не балуйся... дай еще поспать, брат Се...

Теплая, влажная кожа щеки плотно прильнула к прохладному хлопку его рукава. Ощущение сквозь тонкую ткань было до жути отчетливым. А этот беспечный лепет — каждый невнятный слог словно цеплялся маленьким крючком за душу.

Се Сяо застыл.

Он превратился в нефритовую статую, скованную магическим заклятием. Мышцы на руке в одну десятитысячную долю секунды стали твердыми, как сталь. Мощный поток, смесь изумления и острого чувства ущемления, хлынул по его руке, пронзил все тело и ударил прямо в голову. Он чувствовал, как кожа на руке покрывается мурашками, а кровь приливает к месту соприкосновения, обжигая нестерпимым жаром.

Он опустил взгляд, впившись глазами в свою руку. Белая, тонкая кисть Линь Яня, выскользнувшая из рукава ночной рубахи, в тусклом свете лампы казалась нежной, но сейчас она ощущалась как невидимые кандалы. На рукаве, кажется, осталось пятнышко... подозрительное, блестящее. Слюна?

На виске Се Сяо дернулась крошечная жилка. Тонкие губы сжались в суровую прямую линию.

За окном несколько ранних воробьев бесцеремонно прыгнули на ветку, шумно щебеча, и их голоса в утренней тишине казались невыносимо резкими.

Затишье. Мучительное, удушающее затишье.

Се Сяо затаил дыхание. Сердце, всегда бившееся ровно, теперь колотилось о ребра с бешеной частотой. Он попытался выдернуть руку, но Линь Янь держал крепко — в этой сонной хватке было неожиданно много силы. Но еще больше его пугало то, что, применив силу, он разбудит парня и спровоцирует еще более неконтролируемую, липкую сцену.

Время словно застыло. Фитиль масляной лампы изредка потрескивал.

Неизвестно, сколько прошло времени — может, несколько мгновений, а может, целая вечность. Линь Янь, видимо, почувствовал, что грелка не слишком удобна, или же поза была неловкой. Он хмыкнул, хватка ослабла, щека отстранилась от рукава, голова глубже зарылась в одеяло, и дыхание снова стало ровным и глубоким.

Сейчас!

Се Сяо отдернул руку, словно обжегшись. Движение было таким быстрым, что поднялся ветерок. Он отступил на шаг, подальше от этой опасной кровати, и его грудь едва заметно вздымалась. Он смотрел на подозрительное влажное пятно на рукаве, и взгляд его был темен и нечитаем. В конце концов, он не сказал ни слова, просто развернулся, подошел к своему столу, взял книгу и сел, выпрямив спину, оставив этому любителю поспать лишь холодную, каменную спину.

Лишь кончики пальцев, перелистывавших страницы, слегка подрагивали.

...

После полудня выдался редкий погожий денек. Теплые весенние лучи пробивались сквозь редкую листву бамбука, ложась на плиты двора причудливыми тенями.

Се Сяо сидел за единственным каменным столом. На нем лежал чистый войлок, стояла простая чернильница с только что растертой, густой и блестящей тушью. Держа в руке старую кисть из волчьей шерсти, он замер, сосредоточенно выводя иероглифы на белой рисовой бумаге. Почерк был строгим и резким, проступающим сквозь бумагу, исполненным холодного, одинокого величия.

Линь Яню стало душно в комнате, и он, шаркая туфлями, вышел наружу. Его взгляд сразу упал на сосредоточенного Се Сяо. Солнечный свет падал на его профиль, подчеркивая четкую линию подбородка, а выражение глубокой концентрации придавало его и без того благородному лицу оттенок отстраненности.

— Брат Се! Упражняешься в каллиграфии? — глаза Линь Яня загорелись, словно он нашел новую игрушку. Он тут же подскочил, прижался к локтю Се Сяо, заглядывая через плечо. — Ух ты! Как красиво! Даже лучше, чем у наставника, которого отец нанимал за огромные деньги!

Он подобрался слишком близко, и его теплое дыхание коснулось запястья Се Сяо.

Кисть Се Сяо внезапно дрогнула. Тяжелая капля туши, потеряв контроль, сорвалась с кончика и упала прямо на только что выведенный, еще не высохший иероглиф Спокойствие!

Черное пятно быстро расплзлось, мгновенно испортив и строгий иероглиф, и добрую половину листа.

Се Сяо: — ...

Линь Янь: — Ой!

Он вскрикнул, подался вперед, пытаясь исправить положение, и рукавом зацепил маленькую чернильницу. С грохотом она опрокинулась!

Черная тушь хлынула наружу!

— А! — Линь Янь принял основной удар. Его рукав, грудь и даже щека оказались в брызгах туши, и он стал похож на котенка, вывалившегося в грязи.

Се Сяо среагировал мгновенно. В момент опрокидывания он отдернул руку и отклонился, поэтому на его халате цвета индиго осталось лишь несколько капель. Он опустил взгляд на испорченную работу, а затем перевел его на виновника торжества — тот стоял с ошарашенным видом, в черных точках, и в панике пытался оттереть одежду.

Безымянный гнев вспыхнул в его груди. Пальцы, сжимавшие кисть, побелели, а взгляд, холодный, как лезвие, вонзился в Линь Яня.

Линь Янь вздрогнул под этим взглядом, перестал тереть лицо, оставив на щеке забавную черную полосу, и, с его невинным и обиженным выражением лица, выглядел еще более жалким. Он надул губы и пробормотал:

— Я... я не нарочно...

Грудь Се Сяо тяжело вздымалась, холодная ярость была готова вырваться наружу. Но, глядя на это жалкое, испачканное лицо, особенно на черную полосу на щеке, которую он сам же и размазал, гнев словно наткнулся на мягкий ватный ком и застрял в горле.

Он зажмурился и глубоко вздохнул. Когда он открыл глаза, ледяная стужа в них немного отступила, сменившись глубокой усталостью, смешанной с раздражением.

Он достал из рукава чистый хлопковый платок — тот самый, которым прежде вытирал следы туши с книг. С некоторым усилием он поднял руку и, не слишком нежно, краем платка стер самую заметную полосу с щеки Линь Яня.

— Не двигайся, — голос оставался холодным, но в нем больше не было остроты ножа.

Грубая ткань терлась о нежную кожу. Линь Янь замер, послушно задрал лицо и позволяя Се Сяо делать свое дело. Теплые пальцы сквозь платок изредка касались его кожи, вызывая странную щекотку. Он смотрел на жесткую линию подбородка и плотно сжатые губы Се Сяо, его прекрасные глаза хлопали, обида мгновенно улетучилась, а уголки губ поползли вверх.

Стерев самое заметное, Се Сяо окинул взглядом пятна на груди и рукавах парня, и брови снова сошлись к переносице. Он убрал руку, бросил испачканный платок прямо в лужу туши на столе и произнес ровным, холодным тоном:

— Иди умойся.

Сказав это, он перестал смотреть на Линь Яня и принялся приводить в порядок стол, окруженный такой тяжелой аурой, что к нему было страшно подойти.

Линь Янь потер покрасневшую щеку, посмотрел на холодную спину Се Сяо, опустил взгляд на свою грязную одежду и пробормотал:

— Злюка... сам же поставил чернильницу неустойчиво...

Хотя он это сказал, он больше не чувствовал себя таким подавленным. Напротив, ему показалось... что он больше не так уж сильно его боится?

...

Весенний день был по-настоящему теплым, солнце пригревало так, что, казалось, даже кости наливаются приятной истомой.

Линь Янь переоделся в чистые одежды ученика цвета лунного света и вынес старое плетеное кресло в защищенный от ветра угол двора. Тепло солнца приятно ласкало тело, он сладко вздохнул, свернулся в кресле, подобно сытому коту, и веки его скоро отяжелели.

Се Сяо сидел на каменном табурете неподалеку. В руках у него была книга, взгляд был устремлен на страницы. Но если присмотреться, можно было заметить, что он не читает. Его левое запястье небрежно лежало на краю стола, и кончики пальцев едва заметно, бесшумно вычерчивали что-то на краю столешницы. Лишь он один видел перед собой полупрозрачный голубой экран с потоками аналитических данных о планировке академии и эффективности использования пространства.

Линь Янь спал, и ему казалось, что теплое солнце становится все ярче, слепя глаза. Он беспокойно заворочался в кресле и, повинувшись инстинкту, потянулся к месту, где, по его ощущениям, было прохладнее и спокойнее.

Се Сяо был полностью поглощен настройкой параметров вентиляции и освещения на экране.

Вдруг сбоку, у самой ноги, он почувствовал тепло и тяжесть.

Движение его пальцев замерло!

Он опустил взгляд.

Линь Янь, сам не зная как, сполз с кресла и теперь сидел на каменных плитах, прислонившись к его ногам. Вероятно, решив, что тени от табурета недостаточно, он пододвинулся ближе и — совершенно естественно — склонил голову, прижавшись щекой к подолу халата Се Сяо. Он даже потерялся о ткань, устраиваясь поудобнее, и замер.

Тонкие мягкие пряди волос коснулись тыльной стороны руки Се Сяо, лежавшей на колене, вызывая легкий зуд.

Теплое дыхание сквозь тонкую ткань проникало прямо к бедру Се Сяо. Жар, казалось, обладал проникающей силой — он мгновенно воспламенил этот участок кожи и начал быстро распространяться.

Мышцы Се Сяо снова напряглись! Еще сильнее, чем утром! Он почти перестал дышать, а левая рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак. Потоки данных на экране замерли и пошли рябью.

Он сидел, вытянувшись, словно каменное изваяние. Взгляд был прикован к книге, но знакомые иероглифы казались бессмысленным набором символов. Все чувства обострились до предела, сосредоточившись на крошечном участке кожи, к которому прижималась теплая щека.

Солнце продолжало согревать двор. Листья бамбука шелестели на ветру. Издалека доносилось невнятное бормотание учеников, повторяющих каноны.

Время в оцепенении Се Сяо и под мерное дыхание Линь Яня тянулось медленно и вязко. Пальцы Се Сяо, сжимавшие книгу, побелели, на виске выступили капли пота. Он попытался чуть-чуть пошевелить ногой.

Голова, прижатая к подолу, тут же недовольно хмыкнула, щека прижалась еще плотнее, и он даже бессознательно поскреб когтями (пальцами) его голень.

Се Сяо мгновенно перестал двигаться.

Он мог лишь сохранять эту крайне неловкую, застывшую позу, глядя в книгу, и позволять теплоте дыхания касаться его ноги, испытывая его хваленую выдержку на прочность. Аналитический отчет на экране? Он давно вылетел из головы.

...

Несколько дней спустя Линь Фу снова поднялся на гору. Как обычно, он привез два больших сундука, доверху набитых заботой герцогини и старшей сестры-наложницы о младшем брате: модные в столице шелка, изящные безделушки и большая коробка пирожных Фужун, приготовленных на императорской кухне и охлажденных льдом, чтобы не растаяли.

Увидев изысканно упакованную коробку, Линь Янь просиял. Он отослал Линь Фу и, обняв

коробку, от которой все еще веяло прохладой, словно мышонок, стащивший масло, на цыпочках прокрался в корпус Чжу.

Се Сяо сидел за столом, читая книгу (или, точнее, изучая данные на экране).

— Брат Се! Брат Се! Смотри! — Линь Янь с видом триумфатора бухнул резную шкатулку на край стола и нетерпеливо открыл крышку. Сладкий аромат молока и цветов мгновенно заполнил комнату. В коробке аккуратно лежали восемь изысканных пирожных в форме цветков гибискуса, бело-розовых, присыпанных сверкающей сахарной пудрой.

Линь Янь взял одно, откусил сразу приличный кусок, и нежное тесто, таявшее во рту, сладкое и мягкое, заставило его зажмуриться от счастья. — М-м! Вкусно! Мастерство императорского повара ни с чем не сравнить! — бормотал он, и с этим самым надкусанным пирожным в руке совершенно естественно подсел к Се Сяо, прижался локтем к его плечу и протянул лакомство прямо к губам Се Сяо!

— Брат Се, попробуй! Очень вкусно! В тысячу раз лучше той дряни, что дают в столовой! — он держал пирожное, глядя на него своими блестящими глазами, не мигая. На губах Линь Яня осталась сахарная пудра, отчего они казались особенно влажными и полными, словно лепестки цветов. Он выглядел так, будто делился величайшим сокровищем в мире, с искренней и обезоруживающей теплотой.

Сладкий аромат ударил в нос. Пирожное было в дюйме от его губ. Он даже видел крошечный след от зубов на краю — там, где только что откусил Линь Янь.

Дыхание Се Сяо перехватило. Взгляд невольно переместился с пирожного на губы Линь Яня, испачканные пудрой, а затем встретился с его глазами, полными ожидания. Станный аромат, смесь сладости и чистого мыльного запаха, исходившего от юноши, окутал его.

Отказ уже был на кончике языка.

— Я...

И тут, в тот самый миг, когда слово нет было готово сорваться с губ, глядя в эти беззащитные, полные чистого ожидания глаза, Се Сяо приоткрыл рот.

В следующую секунду Линь Янь, словно боясь, что тот передумает, или просто не в силах ждать, слегка подал руку вперед.

Пирожное, хранящее следы слюны и зубов Линь Яня, источающее смертельно сладкий аромат, внезапно и решительно коснулось прохладных губ Се Сяо.

Мягкое прикосновение, привкус сладости.

В голове Се Сяо что-то гулко ударило, и все мысли исчезли.

Почти инстинктивно, в тот момент, когда пирожное коснулось губ, он слегка приоткрыл рот и откусил.

Нежное сладкое тесто мгновенно растаяло на языке, наполняя рот густым ароматом молока и цветов. Слишком... приторно.

Увидев, что он съел, Линь Янь расплылся в улыбке, словно кот, успешно стащивший лакомство, и удовлетворенно убрал руку, взяв себе еще одно пирожное. Он даже не осознавал, насколько вызывающе выглядело его поведение.

— Вкусно же? Я так и знал! — пробормотал он с набитым ртом.

Се Сяо машинально жевал. Приторная сладость, казалось, проскользнула по пищеводу прямо в желудок и разлилась по всему телу. За ушами снова вспыхнул знакомый, неконтролируемый жар, мгновенно окрасив шею.

Он резко опустил глаза в книгу, с трудом сглотнул приторный кусок и почувствовал, как пальцы на краю страницы непроизвольно сжались, оставляя заломы.

...

Глубокая ночь. Все затихло.

Внезапно!

— Трах!!!

Ослепительно белая вспышка молнии разорвала черную пелену, на миг осветив корпус Чжу, как днем! А следом — ГРОМ, оглушительный, словно раскалывающий горы, взорвался прямо над головой!

— А!

Короткий испуганный крик раздался с кровати Линь Яня.

Се Сяо открыл глаза почти одновременно с грохотом грома. Темнота не была помехой для его зрения. Он отчетливо видел, как Линь Янь, подобно испуганному зайцу, подскочил на кровати, обеими руками зажал уши и сжался в комок. В свете молнии его лицо было бледным, как бумага, а в глазах стояли слезы ужаса.

— У-у... — едва слышный всхлип просочился сквозь пальцы, и в шуме начавшегося ливня он звучал особенно жалко.

Снова сверкнула молния!

— А! — Линь Янь вздрогнул, нырнул с головой под одеяло и закутался так, что наружу торчала лишь макушка.

Се Сяо молча наблюдал. Он всегда спал чутко, остро реагируя на любые изменения, и для него гром был обычным фоновым шумом. Но сейчас этот сдавленный, полный страха всхлип проникал в уши отчетливее, чем гроза за окном.

Зажглась масляная лампа. Тусклый свет создал маленький островок тепла.

Се Сяо сел и посмотрел на комок одеяла, который дрожал все сильнее.

Гром рокотал, дождевые капли яростно барабанили по крыше и рамам.

Комок зашевелился. Линь Янь с растрепанными волосами, обнимая свою подушку, босиком, словно брошенный щенок, подошел к кровати Се Сяо. Его глаза были красными, кончик носа тоже, а на длинных ресницах дрожали слезы, поблескивая в тусклом свете.

— Брат... брат Се... — его голос дрожал, как осенний лист на холодном ветру. — Мне... мне страшно... можно... постелить на полу... у твоей кровати? Всего... всего на одну ночь... — он поднял лицо, и в его влажных оленьих глазах читались чистый страх и осторожная мольба, словно Се Сяо был его единственной соломинкой.

Отказ уже был на языке. Это неуместно, совершенно неуместно.

Но глядя в эти промытые слезами, такие хрупкие и ясные глаза, глядя на дрожащие плечи, Се Сяо почувствовал, что горло будто сжало тисками. Холодный отказ никак не желал выходить наружу.

Он промолчал. Раздался еще один удар грома, Линь Янь втянул голову в плечи, и слезы снова потекли по щекам.

Се Сяо закрыл глаза. Когда он открыл их снова, в них была глубокая тьма. Он едва заметно, почти неощутимо кивнул и выдавил из глубины горла невнятный, едва слышный звук:

— ...М-м.

Линь Янь просиял, словно получил помилование.

— Спасибо, брат Се! — он тут же присел, в суматохе расстелил свою подушку и тонкое одеяло у подножия кровати, юркнул внутрь и завернулся в кокон. Снаружи остались только глаза, настороженно и с надеждой смотревшие на Се Сяо.

Се Сяо лег обратно и задул лампу.

Тьма снова поглотила комнату. Только шум дождя и редкие раскаты грома.

Се Сяо лежал на спине, тело было жестким, как доска. Он заставлял себя закрыть глаза, выровнять дыхание, пытаясь не замечать того, кто лежал так близко. Однако каждый раз, когда гремел гром, снизу доносились сдавленные всхлипы и шорох постельного белья, словно когти, царапавшие его нервы.

Неизвестно, сколько прошло времени — долго, так долго, что гром, казалось, начал затихать, оставив лишь шум дождя. Напряжение Се Сяо немного ослабло, сознание начало путаться.

Вдруг!

Край кровати слегка прогнулся.

Следом за этим что-то теплое, пахнущее мылом, осторожно, с опаской придвинулось вплотную.

Сон Се Сяо мгновенно испарился! Он резко открыл глаза, мышцы напряглись!

В слабом свете, проникавшем из-за окна, он отчетливо видел, что Линь Янь, который должен был спать на полу, уже забрался на кровать и теперь прижимался спиной к его руке, подобно птенцу, ищущему защиты. Он чувствовал дрожь его плеч и слышал сдавленное, частое дыхание.

Се Сяо лежал, не смея пошевелиться. Тепло, исходившее от парня, жгло, как раскаленное железо. Он чувствовал запах его волос, смешанный с чистым ароматом юности, и этот запах проникал в его ноздри.

В темноте его глаза были широко открыты. Тело было твердым, как сталь, каждый мускул — в полной боевой готовности. Сердцебиение в тишине дождливой ночи казалось бесконечно громким, тяжелым и быстрым.

Он оставался в этой застывшей позе, слушая дождь и чувствуя теплое, ритмичное дыхание рядом, пока за окном не забрезжил первый серый рассвет.

Эту ночь Се Сяо провел без сна.

<http://bllate.org/book/19996/1971888>